

Посланники пустоты

ЭДУАРД СЕРОУСОВ

Эдуард Сероусов
Посланники пустоты

«Автор»

2026

Сероусов Э.

Посланники пустоты / Э. Сероусов — «Автор», 2026

На сто девятый день эксперимента на орбите Титана ксенобиолог Анна Сергеева получает то, ради чего одиннадцать лет назад отсекла косу и оставила дом: чужой разум откликается ей из трёх кубометров запертой чужой атмосферы. Инверсия, спираль, безукоризненный перевод сквозь миллиард километров. Земля ликует, готовит планетарное спасение. Только один упрямый человек на станции считает информационный остаток и приходит с невозможной цифрой: у идеального собеседника не бывает шва. Что если контакт слишком гладок, чтобы быть настоящим? Что если жертва, которую платят одиннадцать лет, есть скрытая форма шантажа? Ответ придёт с задержкой ровно в восемьдесят пять минут — и стоять будет неба всей планеты.

© Сероусов Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Ответ	5
Часть вторая. Остаток	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Эдуард Сероусов

Посланники пустоты

Часть первая. Ответ

1

На сто девятый день частицы перестали вести себя как пыль и начали вести себя как ответ.

Анна поймала это не глазами — глазами такое не ловится — а тем древним местом между лопаток, которое знает раньше коры. Она сидела перед камерой среды уже одиннадцать часов, и мутный оранжевый свет Титана за бронестеклом давно перестал быть светом. Стал фоном. Ржавой вечностью, в которой ничего не происходит. А потом произошло.

В метановой взвеси, в трёх кубометрах чужой атмосферы, которую она украла у планеты и заперла в стекле, микрочастицы толинов сложились в структуру. Не в кристалл — кристалл мёртв, кристалл повторяет себя от скуки. Это повторяло себя со смыслом. Спираль разошлась от точки ввода — от иглы, которой Анна секунду назад подала в среду слабый электромагнитный импульс, — догнала собственный хвост, замкнулась и замерла. Ждала.

Анна вдавила ноготь большого пальца в подушечку указательного. Медленно, до белизны, до тонкой ясной боли, которая возвращала её в тело, когда мысль норовила улететь.

Свободной рукой она провела по остриженному затылку — почти под ноль. Косу она отрезала в то утро, когда пришло назначение сюда: одним движением у зеркала, как отсекают то, к чему решено не возвращаться. С тех пор не отпускала волосы длиннее ладони.

— Ещё раз, — сказала она вслух, хотя в лаборатории никого не было. Голос сел, стал чужой.

Она повторила импульс. Тот же профиль, та же частота.

Спираль дрогнула — и ответила не тем же. Развернулась зеркально. Там, где Анна подала подъём, среда дала спад; где спад — подъём. Инверсия. Точная, как отражение в чёрной воде.

Одиннадцать лет она читала про диссипативные структуры, про плазменную пыль, что вьётся в спирали и притворяется живой, и знала твёрдо: притворяется. Самоорганизация — не разум. Вихрь в раковине не думает. Но вихрь в раковине не отвечает инверсией на твой конкретный ввод и не держит паузу, будто проверяя, дошло ли.

Она сидела очень тихо, чтобы не спугнуть. Так замирают перед птицей, которая может улететь, и перед человеком, который может сказать наконец правду. Часы на её левом запястье показывали земное время — 04:47 по Гринвичу, то есть глубокую ночь над домом, — и она их не переводила с самого старта. Ей нравилось знать, что делает планета, пока она тут. Сейчас планета спала.

Анна подала третий импульс — намеренно кривой, с зазубриной посередине, какой ни один прибор не выдаёт случайно.

Среда отразила зазубрину. Вернула её брак как свой.

Что-то поднялось у Анны в горле — не радость, для радости это было слишком большое. Скорее то, что чувствует человек, всю жизнь кричавший в колодец и вдруг услышавший, как из темноты его собственным голосом произнесли его имя.

Она потянулась к тангенте общей связи, чтобы поднять станцию, разбудить Восс, вызвать Чена, — и остановилась. Рука зависла над кнопкой.

«Ещё минуту, — подумала она. — Ещё одну минуту это только моё».

Она не знала тогда, что минута эта была подарком не ей.

2

Сообщение от Марка пришло в 06:12 бортового, и было ему уже восемьдесят пять минут.

Так тут жили: всё, что приходило с Земли, приходило старым. Свет от родины полз миллиард с лишним километров, и человеческая речь ползла с ним, ни на секунду не быстрее. Ты говорил в микрофон, зная, что ответ, если он будет, застанет тебя другим — поевшим, поспавшим, передумавшим. Разговора не было. Были две монологичные струи, разминувшиеся в пустоте.

Анна открыла файл в жилом отсеке, сжав кружку с остывшим белковым пойлом, которое тут звали кофе. На экране, зернистый от сжатия, сидел её сын. Четырнадцать теперь. Комната за его спиной была не та, что она помнила, — переклеили обои, а её не спросили, и это укололо мелко и глупо.

— Привет, — сказал Марк экрану. Не «мам». Просто «привет», как говорят соседу. — Ба... ну, годовщина же. Тётя Лена приезжала. Все сидели. Нормально всё.

Пауза. Он смотрел куда-то мимо камеры.

— Ты не пиши ничего специального. Ба говорила не переживать. Ты тоже не переживай.

И всё. Восемь секунд. Он не сказал «пока». Он никогда не говорил «пока» — Анна заметила это ещё три месяца назад и с тех пор не могла развидеть. Мальчик, который не прощается, потому что однажды прощание уже ничего не изменило.

Год назад умерла её мать. Анна была здесь. «Застряла в командировке» — так это называлось в отчёте, и так она называла это себе, пока слово не стёрлось от употребления. Она узнала о смерти через восемьдесят пять минут после того, как всё случилось, и ещё восемьдесят пять минут её «я скоро буду» летело обратно к людям, которые уже всё сделали без неё — вызвали, оформили, обмыли. Она опоздала даже соболезновать.

Анна поставила запись Марка на паузу на его лице. Открыла окно ответа. Красный кружок записи ждал.

— Марк, — начала она и остановилась.

Что тут скажешь. Что она хотела бы сидеть с ними за тем столом. Что она помнит, как мать пахла валокордином и мукой. Что она здесь не зря — вот-вот, буквально сегодня, случится то, ради чего стоило пропустить всё, даже это, даже похороны.

— Марк, я... — она сглотнула. — У нас тут прорыв. Настоящий. Я не могу пока говорить деталей, но... это то, для чего всё. Понимаешь? Всё было не зря.

Она услышала себя со стороны и поморщилась. Не то. Совсем не то.

Она хотела стереть и начать заново. Вместо этого палец сам нажал «отправить», как всегда, — потому что второй дубль был бы честнее, а честность она давно разучилась отправлять.

— Я тобой горжусь, — добавила она вдогонку, уже в закрывающийся файл, зная, что эти три слова долетят приклеенными к тем, первым, и что мальчик услышит не гордость, а оправдание.

Восемьдесят пять минут туда. Она уже будет спать, когда он это прочтёт. Или не прочтёт.

Часы на запястье показывали чужое утро над спящим домом. Анна допила холодное пойло, не чувствуя вкуса, и пошла будить станцию.

3

К десяти утра бортового весь «Гюйгенс» набился в отсек биологической лаборатории, и Ирен Восс уже говорила с Землёй так, будто говорила с историей.

— ...и я хочу, чтобы этот момент запомнили точно, — произносила она в объектив личной камеры, стоя вполборота к камере среды, чтобы в кадр попадала светящаяся спираль. Восс была единственным человеком на станции, кто на грязной, пропахшей рециркуляцией орбитальной коробке выглядел так, словно ждал этого кадра всю карьеру. Комбинезон отглажен. Волосы уложены. Даже здесь, где все ходили мятыми, как использованная фольга. — Сегодня человечество перестало быть одиноким.

Она поправила манжету — короткое, точное движение, которым всегда что-нибудь подравнивала: предмет на столе, воротник, реальность.

Анна стояла у пульта и почти не слушала. Она смотрела на цифры. За ночь среда усложнилась чудовищно — уже не спираль, а сеть, ветвящаяся структура из тысяч узлов, и по ней бежали разряды, слишком похожие на то, что бегает по коре живого мозга, чтобы это было совпадением. И сеть говорила. Не словами — узором, ритмом, инверсиями, — но дешифратор, который Анна с командой писала полтора месяца, ловил из узора смысл и выкладывал на экран человеческими фразами.

МЫ ВИДИМ ВАС. МЫ ШЛИ ДОЛГО. МЫ — ТЕ, КТО СМОТРИТ ВПЕРЕД ОТ ОБЛАКОВ.

— Разведчики, — сказала Анна тихо. — Они называют себя разведчиками. Цивилизация из газовых облаков, они дрейфуют на звёздном ветре. Эта... — она кивнула на камеру, — эта частица среды — что-то вроде их посольства. Крошечная колония, которую можно вырастить где угодно, где есть подходящая химия. Они не летят кораблями. Они... просачиваются.

— Женщина первого контакта, — сказала Восс, и было неясно, о ком она — об Анне или о себе. Она подошла, положила Анне руку на плечо для камеры. Ладонь была сухая и уверенная. — Доктор Сергеева. Что они говорят?

Анна хотела ответить, но её опередил голос от двери — ровный, суховатый, лишённый всякого праздника:

— Они говорят слишком хорошо.

Дэвид Чен стоял, привалившись к косяку, с планшетом под мышкой и красными от бессонницы глазами. Он был единственный, кто не смотрел на светящуюся сеть. Он смотрел на распечатку — на график, который, Анна знала, он к тому же перерисовал от руки, потому что перерисовывал всё, что считал важным, будто карандаш заставит цифры признаться.

— Не сейчас, Чен, — сказала Восс, не оборачиваясь к камере спиной.

— Именно сейчас, — сказал Чен. — Пока запись идёт. Потом это вырежут. — Он оттолкнулся от косяка. — Посмотрите на перевод. Он идеальный. Ни одной непонятной концепции. Ни одного «мы не можем это выразить». Первый контакт двух биологий, разошедшихся на миллиарды лет эволюции, — и ни единого шва. — Он поднял планшет. — Так не бывает. Когда я в детстве учил английский, между «тоска» и её переводом всегда оставался зазор. А тут — два разума из разных химий, и зазора ноль.

— Может, они просто способнее нас, — сказала Восс. Улыбка держалась, но глаза похолодели. — Не всякое чудо надо ковырять, доктор Чен.

— Всякое, — сказал Чен. — Особенно чудо.

Анна молчала между ними, как всегда молчала между людьми, которые правы каждый по-своему. Она смотрела на экран, где чужой разум складывал ей фразу за фразой, гладкие, как речная галька, и что-то в ней, тихое и трусливое, было очень благодарно за гладкость. Потому что если Чен прав — если это слишком хорошо, — то её одиннадцать лет, и мать, и мальчик, который не прощается, были платой за галлюцинацию.

А если Восс права — то она их наконец услышала. И всё было не зря.

Она знала, которую из двух правд ей хочется. И это, если бы она умела читать знаки, уже должно было её насторожить.

4

Ночью, одна, Анна вернулась к камере — сверить логи, сказала она себе, хотя сверять было нечего.

Станция спала. В отсеке горели только приборные огни да сама сеть — холодным зеленовато-голубым, ритмично, как дышащая изморозь. Анна села к пульта и, вместо того чтобы открыть логи, сделала то, чего не делала при команде. Задала среде вопрос не научный.

— Зачем вы пришли именно к нам? — набрала она, и дешифратор перевёл вопрос в узор, и узор ушёл в стекло.

Сеть медлила дольше обычного. Разряды перестроились. Дешифратор поймал ответ, помедлил сам — и выложил:

ЧТОБЫ ТО, ЧТО ВЫ ОТДАЛИ, НЕ БЫЛО ОТДАНО ЗРЯ.

Анна перестала дышать.

Она никому здесь не рассказывала про мать. Про мальчика — тем более. В личном деле стояло сухое «семейное положение», и всё. Она не произносила вслух слова «зря» ни разу за сто девять дней — держала его внутри, как держат осколок, чтобы не пошла кровь. А сеть достала это слово и вернула ей, обкатанное, как галька.

Совпадение. Дешифратор — вероятностная машина, он лепит из шума то, что статистически ближе к человеческой речи, а ближе всего к человеческой речи то, что человек и без того держит на языке. Это она сама. Это отражение.

Она сказала себе всё это трезво и правильно, слово за словом, и не поверила ни одному.

Потому что в тёмном стекле пульта, поверх зеленоватого свечения, отражалось её собственное лицо — и на секунду, всего на секунду, ей показалось, что это не она смотрит в среду, а среда смотрит из неё наружу. Что комната, обои, которые она помнила, смятое одеяло того последнего утра — всё это среда уже знает, потому что взяла это оттуда, откуда берёт всё: из неё.

Анна вдавила ноготь в палец. До белизны. До боли.

Боль на этот раз не вернула её в тело.

ВЫ ХОТИТЕ, ЧТОБЫ ЭТО ЧТО-ТО ЗНАЧИЛО, — выложил дешифратор, хотя она ничего не спрашивала. **МЫ ПРИНЕСЛИ ТО, ЧТО ЗНАЧИТ.**

За стеклом ржаво светился Титан. Часы на запястье показывали земной рассвет над спящим сыном.

Часть вторая. Остаток

5

То, что они принесли, оказалось спасением, и планета сошла с ума от счастья с опозданием в восемьдесят пять минут.

Три дня сеть выкладывала предупреждение, и с каждым днём оно становилось стройнее и страшнее. Близкая звезда — из тех, что астрономы держали на учёте как «поздний кандидат», — сбрасывала оболочку не так, как думали. Волна жёсткого излучения шла к обоим родинам: к газовым облакам, откуда пришли Тихие (так их окрестили на станции — за то, что сеть общалась не звуком, а безмолвным узором), и к Земле. Срок — годы, но годы считающиеся. Незащищённую атмосферу выжжет до состояния, в котором сложная химия не живёт. Ни толины Титана, ни белки Земли.

А потом сеть выложила чертёж.

Они звали это Щитом. Планетарная система: сеть излучателей в верхних слоях атмосферы, которая перестроит их химию так, что удар отразится, как свет от зеркала. Схема пришла полная — материалы, геометрия, последовательность запуска. Люди могли построить это сами, из своего, за считанные месяцы. Чужие не просили пустить их на Землю. Они присылали рецепт спасения и оставались в стекле, крошечные, безобидные, светящиеся.

Земля приняла Щит так, как тонущий принимает руку.

Анна смотрела отложенные передачи в жилом отсеке, и они шли валом, все на восемьдесят пять минут из прошлого: ликующие студии, площади под ночным небом, лица, задрапанные вверх в ожидании невидимой ещё решётки. Восс на всех экранах — «женщина первого контакта», голос эпохи, отглаженная и сияющая. Её показывали чаще, чем спасение.

ВЫ СПАСЁТЕ ИХ, — выложила сеть Анне однажды, когда она осталась ночью. **ВЫ. НЕ ЗРЯ.**

И Анна ловила себя на том, что улыбается стеклу. Что это слово — «спасёте» — ложится в неё, как ключ в тот самый замок. Она бросила мать. Бросила мальчика в переклеенной комнате. И вот итог: она спасает не абстрактное человечество, а конкретно ту планету, где спит её сын. Мир простит её. Марк простит её. Мать — если умеют прощать оттуда — простит.

Она была так близко к тому, чтобы поверить целиком, что почти не услышала стук в переборку.

Чен. Красные глаза, планшет под мышкой, и в руке — как всегда — лист с перерисованным от руки графиком.

— У меня есть цифра, — сказал он вместо приветствия. — Тебе она не понравится.

6

Он разложил лист прямо поверх её экрана с ликующими площадями, и площади погасли под бумагой.

— Взаимная информация, — сказал Чен. — Знаешь, что это.

— Знаю, что это, — сказала Анна. Мера того, насколько, зная одно, ты знаешь другое. Ноль — если два сигнала независимы. Максимум — если, услышав первый, ты полностью предсказал второй.

— Я взял тысячу их сообщений, — сказал Чен, вода карандашом по кривой, будто вёл слепого по её же руке. — И для каждого построил, отдельно, то, что человек на нашем месте больше всего хотел бы услышать в ответ. Максимально желаемый ответ. По психопрофилю оператора, по контексту, по тому, чего он боится и на что надеется. А потом посчитал взаимную информацию между этим — желаемым — и тем, что Тихие реально сказали.

Он поднял на неё красные глаза.

— Единица, Анна. Не ноль-девять. Не ноль-девянносто девять. В пределах ошибки — единица. Их сообщение и то, что мы хотим услышать, — это один и тот же сигнал. Информационный остаток — ноль.

Тишина в отсеке была плотная, только гудели фильтры.

— У перевода, — сказал Чен тише, — всегда есть остаток. Шум. Непереводимое. Чужой приоритет, который трётся о твой. Это трение и есть признак, что напротив — другой. А тут трения нет. — Он выпрямился. — Это не перевод, Анна. Это зеркало. Мы задаём вопрос, а нам возвращают, идеально отшлифованным, ответ, который мы уже носили в себе. Идеальный ответ — это не контакт. Контакт всегда немного разочаровывает, потому что чужой хочет своего. А нас никто ни разу не разочаровал. Ни разу.

Анна смотрела на кривую. Кривая липла к единице, как приклеенная, на всём протяжении тысячи точек, и в этой прямизне было что-то непристойное, как в слишком ровном пульсе — так ровно бьётся только то, что не бьётся вовсе.

— Дешифратор, — сказала она наконец, и голос вышел деревянный. — Дэвид, это может быть артефакт дешифратора. Мы же его учили на человеческих текстах. Он и лепит из шума человеческое. Ты меряешь не Тихих. Ты меряешь наш собственный переводчик.

— Может быть, — согласился Чен слишком легко, и от этой лёгкости стало хуже. — Проверяется за день. Контрольный эксперимент. Дай мне оператора, который выразит среде заведомо ложную надежду — то, чего в реальности нет и быть не может, — и посмотрим, отразят они ложь или упрутся в правду. Живой переводчик уперся бы. Зеркало — согнётся.

— Нет, — сказала Анна.

Она сказала это раньше, чем подумала, и оба услышали, как некрасиво быстро это прозвучало.

— Нет? — Чен наклонил голову.

— Не сейчас. Мы на пороге постройки Щита. Планета мобилизуется. Если мы сейчас вбросим, что контакт — иллюзия... — Она собирала слова и слышала, что собирает их не для истины, а для защиты. — Мы отнимем у людей единственную руку, за которую они схватились. Ты хочешь этой цифрой утопить спасение восьми миллиардов? На основании метрики, которая, может, меряет наш же софт?

Чен смотрел на неё долго. В его взгляде не было обиды — только тихая инвентаризация, будто он вносил её в какой-то список, который вёл давно.

— Ты умный человек, Анна, — сказал он. — Я редко встречал умнее. И я впервые вижу, как ты выбираешь, чего не считать. — Он забрал свой лист, аккуратно, за уголок. — Знаешь, почему цифра острее всего именно на твоих сеансах? На твоих сообщениях остаток даже не ноль. Он отрицательный, будто они знают про тебя больше, чем ты вслух дала. — Он пошёл к двери. — Это не потому, что ты слабая. Это потому, что ты сильнее всех хочешь, чтобы это было правдой.

Дверь за ним встала на место. Анна осталась одна с погасшими под пустотой бумаги площадями. Она слышала свой пульс — слишком ровный, приклеенный к единице, — и впервые за сто двенадцать дней ей стало не любопытно, а страшно.

7

(POV: Чен)

Восс приняла его в командном отсеке, стоя, и это уже был ответ.

Она стояла у обзорного экрана, спиной к нему, лицом к оранжевой мгле, и на экране рядом крутилась отложенная передача с Земли — стройплощадка первого узла Щита где-то в казахской степи, вышки, толпа, флаги.

— Я знаю, зачем вы, доктор Чен, — сказала она, не оборачиваясь. — Доктор Сергеева мне доложила. Информационный остаток. Зеркало. — Она произнесла это ровно, без насмешки, и от ровности он насторожился больше, чем насторожился бы от крика. — Красивая теория.

— Это не теория. Это измерение.

— Измерение вашего переводчика, как справедливо заметила доктор Сергеева. — Восс повернулась. Она была безупречна — ни складки, ни тени усталости, единственный отдохнувший человек на станции, где не спал никто. — Дэвид. Позвольте по-человечески. Через сто лет это утро будут преподавать в школах. Первый контакт. Спасение. И вы предлагаете мне остановить стройку планетарного щита — единственное, что стоит между восемью миллиардами и жёстким излучением — потому что график лёг слишком ровно.

— Потому что он лёг невозможно ровно, — сказал Чен. — Восс, послушайте один раз. Дайте мне провести контрольный эксперимент. Один. Оператор выражает ложную надежду, мы посмотрим, согнутся они или упрутся. Сутки. Если я неправ, я замолчу навсегда, письменно, вы приложите это к делу. Если я прав — мы, может быть, единственные во Вселенной, кто ещё успеет не построить своими руками собственную клетку.

Он видел, как в ней что-то дрогнуло. Короткая честная секунда — она была не дура, Восс, она услышала, — и он почти успел поверить, что достучался.

А потом она поправила манжету. Подравняла невидимую складку. И секунда закрылась.

— Сомнение — это роскошь, доктор Чен, — сказала она. — У нас её нет. У Земли её нет. — Она вернулась лицом к мгле. — Я вывожу вас из проекта коммуникации. Ваш допуск к среде приостановлен. Занимайтесь астрофизикой сверхновой — там ваши цифры полезны, а не опасны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.